

УДК 811.161.1'38

DOI: 10.17223/19986645/72/3

В.В. Дементьев

О НЕКОТОРЫХ СОДЕРЖАТЕЛЬНОЦЕНТРИЧНЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Обсуждаются направления современной отечественной лингвистики, которым присущ содержательноцентризм, т.е. тенденция изучать содержательные аспекты языковых и речевых единиц. С этой точки зрения рассматривается изучение концептов, речевых жанров, интернет-коммуникации, непрямой коммуникации, языковой личности. Устанавливаются наиболее релевантные для данных направлений признаки: перенесение внимания с языка-системы вовне, активное взаимодействие с культурологией, концептологией, литературоведением.

Ключевые слова: современная отечественная лингвистика, содержательноцентризм, концепты, речевые жанры, интернет-коммуникация, лингвокреативность, непрямая коммуникация, лингвоперсонология

Постановка проблемы: «содержательноцентризм» и «формацентризм» как характеристика лингвистических парадигм

В последние годы исследователями (например, [1–13] и др.) неоднократно предпринимались попытки выделить в развитии отечественной и зарубежной лингвистики тенденции общего характера – как более глобальные, так и более частные. Иногда данные тенденции понимались как в чем-то противопоставленные или противоречащие друг другу, и тогда их пересечения и противопоставления относились к значимым характеристикам конкретных направлений лингвистики.

Это может быть релевантно также при сравнении отечественной и зарубежной лингвистики: соотношение разных тенденций может составлять специфику каждой из них. Так, В.М. Алпатов отмечает, что их противопоставление, как и взаимонепонимание ученых, в последние годы усиливается: «После 1991 г. <...> при значительном расширении личных контактов между российскими и зарубежными учеными в плане научных концепций скорее происходит увеличение разрыва. <...> Российским исследователям оказывается нелегко вписаться в традиции, преобладающие в других странах» [4. С. 155].

Одной из главных характеристик многих направлений лингвистических исследований, включая преобладающие на том или ином этапе направления таких исследований (их можно понимать как общую характеристику этапа в целом), является преимущественное внимание к форме или содержанию языковых явлений.

В настоящей статье мы пытаемся показать, что для современной отечественной лингвистики характерно отчетливо выраженное стремление изу-

чать содержание языковых явлений – «содержательноцентризм» (С_Ц), что отличает ее, с одной стороны, от преобладающих направлений современной зарубежной (точнее, западной) лингвистики, с другой – направлений отечественной лингвистики предшествующих периодов. Своеобразие данного этапа современной отечественной лингвистики будет показано через ряд конкретных, как представляется, значимых направлений и школ.

Для более точной характеристики современного этапа полезно охарактеризовать направления, научные центры и этапы лингвистики прошлых периодов, даже если они сегодня представляют собой только факты истории науки.

В частности, нельзя не сказать хотя бы несколько слов о структурализме, как и о развившихся сначала внутри него, а впоследствии – как преодоление его постструктуралистских / антиструктуралистских тенденций (среди них многие можно с уверенностью охарактеризовать как содержательноцентричные). Важными в этом отношении представляются идеи В.Н. Волошинова (М.М. Бахтина) (противопоставление двух тенденций в лингвистике рубежа XIX–XX вв., несправедливо редко применяемое к характеристике современной лингвистики) и В.И. Абаева, которые также будут рассмотрены ниже.

В целом тенденции и направления современной отечественной лингвистики, конечно, более разнообразны, чем объединяемые нами в понятие С_Ц (как и четкое разделение на две группы: содержательноцентрические и непосредственно противопоставленные им). Нельзя не учитывать присутствующие в составе отечественной лингвистики несомненно значимые формацентрические научные направления, такие как изучение неиндоевропейских языков в целом ряде научных центров, например группой под руководством Е.В. Рахилиной, а также научные направления и центры, придерживающиеся преимущественно западных традиций и подходов, например дискурсивные исследования под руководством А.А. Кибрика, прагмалингвистическое направление, сформировавшееся в РУДН под руководством Т.В. Лариной, и др. – их оценка и критика нами, полагаем, была бы неуместна (хотя краткая характеристика нужна и будет дана).

Однако и наиболее распространенными, и наиболее оригинальными, и наиболее представительными, и наиболее значительными в отечественной лингвистике являются именно содержательноцентрические исследования.

Противопоставление «содержания» и «формы» в лингвистике и их относительность

Отношения содержательноцентризма и формацентризма нельзя обсуждать без хотя бы краткого рассмотрения «вечной» лингвистической проблемы формы и содержания и их как взаимной противопоставленности, так и взаимной обусловленности, каковая проблема имела много разных решений в истории лингвистической науки. В. фон Гумбольдт, который ввел понятие «форма языка», вкладывал в него далеко не только «соб-

ственно форму» в современном значении, т.е. структуру, но и все и де и, которые были, будут или могут быть выражены на данном языке ([14. С. 74, 81] и далее). Ср. также положение последователя Гумбольдта А.А. Потебни, что грамматическая форма семантически, это способ организации семантики: «...грамматическая форма есть элемент значения слова и однородна с его вещественным содержанием» [15. С. 29]. Грамматику Пор-Рояль (по В.Н. Волошину, представляющую наиболее яркий пример «абстрактного объективизма» – см. ниже) тоже нельзя понимать как изучение только одной формы, поскольку в центре внимания были *содержательные* категории (такие как падеж).

Мы исходим из традиционного семиотического понимания формы и содержания и их соотношения: к содержанию относятся значения элементов системы (значения языковых единиц – прежде всего лексические значения слов, но не только они), к форме – их взаимные отношения [16. Р. 17–36]. С этой точки зрения противопоставление лингвистических направлений, характеризующихся преимущественным форма- и содержаниецентризмом, может быть проиллюстрировано противопоставлением структурализма, изучающего фактически только второе, и постструктурализма, исправляющего ограничения и издержки структурализма, сосредоточивающегося на первом. (Это самый яркий и самый свежий пример, но далеко не единственный в истории науки.) При этом структурализм не исключал вовсе содержания – но только с точки зрения формы и в подчинении ей (*форма плана содержания*, по Л. Ельмслеву [17. С. 310]): во-первых, важной (по Ф. де Соссюру – важнейшей [18. С. 146–147]) составляющей означаемого считалась *значимость*, порождаемая взаимными отношениями языковых единиц и их значений; во-вторых, не менее, а более важными, чем лексические значения, считались и активно изучались (например, в американском дескриптивизме) значения нелексических, прежде всего служебных, языковых единиц: морфем, конструкций (словосочетаний, предложений). По Л. Ельмслеву, обсуждаемый нами S_C , вероятно, может быть понят как изучение *субстанции плана содержания*, которая противопоставлялась (изучаемой в структурализме) *форме плана содержания* и ввод в рассмотрение которой ознаменовал переход к постструктурализму.

Ср. также мнение В.И. Абаева, который был одним из наиболее серьезных критиков структурализма: «...в языке переплетаются две системы: познавательная и знаковая. Элементы первой соотносимы с элементами объективной действительности и отражают в конечном счете структуру последней. Вторая (знаковая) система определяется внутриязыковыми корреляциями. В первой системе элементами структуры являются значения, во второй – чистые отношения. Лексика есть преимущественная сфера первых, фонетика – вторых. Промежуточное положение между этими двумя полюсами занимают морфология и синтаксис» [19. С. 103]. Структурные методы, согласно этой точке зрения, пригодны лишь для изучения знаковой системы; поэтому их применение достигло успеха в фонологии, дало

лишь частичные результаты в морфологии и синтаксисе и потерпело неудачу в семантике. В.И. Абаев также подверг критике математизацию науки о языке. Признавая статистические методы исследования, он видел в выделении математической лингвистики как особой дисциплины «скрещение псевдолингвистики с псевдоматематикой» и, главное, «бегство от человеческого фактора» [19. С. 119, 122; 13. С. 181-182].

Активное привнесение в исследовательский аппарат содержания как преодоление ограничений структурализма означало возвращение к лексическим значениям, а также ко всему, что можно понимать как, с одной стороны, способы их прояснения и уточнения (референция, концепты, психические состояния человека), с другой – продолжение и отражение (состояние общества, языковая картина мира).

Следует отметить, что попытка характеристики (весьма условная) современной парадигмы в лингвистике как *когнитивной* (ср.: «Когнитивная лингвистика – активно развивающееся лингвистическое направление, во многом определяющее лицо современной мировой лингвистической науки» [20. С. 3]) во многом есть попытка объединить эти два направления: с одной стороны, показать когнитивную, т.е. ментальную, реальность значений слов и ассоциированных с ними многочисленных содержательных ассоциаций и коннотаций, с другой – такую же реальность грамматических элементов и моделей, однако в действительности то, что З.Д. Попова и И.А. Стернин считают когнитивной лингвистикой, распадается на два довольно трудно совместимых направления – когнитивную грамматику (Р. Лангакер [21]) и когнитивную семантику (Дж. Лакофф [22]), причем доля последней в общем объеме когнитивных исследований в сегодняшней лингвистике преобладающая – в этом отношении когнитивная лингвистика тоже может быть отнесена к C_{Π} , хотя и не полностью.

Таким образом, граница между формой и содержанием иногда относительна, и сами принципы противопоставления формы и содержания на разных этапах были разные (всё это тоже можно относить к важнейшим характеристикам того или иного этапа), однако в целом противопоставление формы и содержания остается одной из главных констант лингвистической теории.

Тенденции развития современной лингвистики: попытки систематизации

Кроме уже упомянутого противопоставления структурализма и постструктурализма, оппозицию реализуют другие, менее известные, но не менее значимые для характеристики современного этапа отечественной лингвистики направления.

Характеризуя тенденции развития современной лингвистики (прежде всего отечественной), используют следующие определения: *семантизация; функционализация; лингвистический антропоцентризм и когнитивизм; индивидуалистический субъективизм; сближение с «неточными науками».*

Семантизация, которая противопоставляется формальному описанию языковой структуры / «формацентризму» (частные случаи семантизации – большее внимание к лексике по сравнению с грамматикой, активное составление словарей, «словоцентризм» как одна из тенденций современной лингвосомиотики).

«Нынешняя эпоха развития лингвистики – это, бесспорно, эпоха семантики, центральное положение которой в кругу лингвистических дисциплин непосредственно вытекает из того факта, что человеческий язык в своей основной функции есть средство общения, средство кодирования и декодирования определенной информации», – писал Ю.Д. Апресян в книге «Лексическая семантика (синонимические средства языка)» в 1970 г.у (то, что книга была закончена к 1970 г., Апресян сообщает в переиздании 1995 г.). Апресян (как и Бахтин) охарактеризовал состояние в равной мере зарубежной и отечественной лингвистики.

Хронологически данная тенденция стоит на втором месте после противопоставления абстрактного объективизма и индивидуалистического субъективизма: она получила распространение в последнюю треть XX в. (хотя отдельные проявления были гораздо раньше – см. идеи Дж. Лакоффа и др.).

Семантизация распространяется на направления, изучающие план содержания языковых и речевых единиц и их комбинаций (включая диалогическое общение и художественные тексты), шире – содержательные аспекты коммуникативных ситуаций, в том числе состояния участвующих в них языковых личностей.

При этом противопоставляются значения лексических и грамматических языковых единиц и более масштабные содержательные феномены, такие как, с одной стороны, концептосферы, с другой – коммуникативные (ситуативные, диалогические) речевые феномены, где можно говорить не столько о значениях, сколько о смыслах. Конечно, граница между ними нечеткая (как в целом между лексикой и грамматикой): большое количество идей выражаются и языковыми / речевыми единицами, и моделями – словообразовательными, синтаксическими, прагматическими и т.д. (ср., например, традицию привлекать при описании концептов данные словообразования [23]).

В лингвистике также иногда различают «идеологию, выраженную в самом языке (как идеологической системе)», и «идеологию, выраженную с помощью языка (как коммуникативной системы)» [19], т.е. в более привычных сейчас терминах, «надо различать отражённую в языке картину мира и то или иное мировоззрение, выраженное средствами этого языка» [3. С. 8].

В этой связи следует вспомнить, что Гумбольдт, который, видимо, первым из лингвистов начал различать данные феномены, не противопоставлял их жестко, а, наоборот, объединял в понятии *sprachliche Weltansicht* [14], в котором сочетались «языковое мировоззрение» и «мировидение». Причем последователи Гумбольдта иногда трактовали его концепцию односторонне (отсюда и ошибки перевода: переводили *sprachliche Weltansicht* то

как «языковое мировоззрение», то как «мировидение»): «Предлагается говорить о *мировоззрении* для философских, политических и пр., а также социально-психологических («житейских») взглядов и о *мировидении* для взглядов, обусловленных языком. Можно сопоставить *мировоззрение* с *идеологией, выраженной с помощью языка*, а *мировидение* с *идеологией, выраженной в языке*» (см.: [24. S. 7–18]). В целом Гумбольдт, заложивший основы И_С, о котором говорит Бахтин, заложил и основы С_Ц, связывая во едино понятия *формы языка* и *духа народа*, причем, в понимании последнего, взгляды Гумбольдта продолжали традиции романтизма в Германии (Гердер, Гёте, Винкельман), где и была впервые высказана идея «национального духа» (*Volkgeist*), выражающегося в языке и искусстве: вводя понятия духа, национального духа и духа времени, которые рассматривались как формы коллективной идентичности, немецкие романтики признали язык выражением этого духа. Этот дух проявляется также как органичное выражение автора в конкретных произведениях искусства, представляющих единство мысли и языка [24. S. 7–18]. Таким образом, в язык, форму языка у Гумбольдта входили и *мировоззрение*, и *мировидение*, а разница между разными языками / формами языков в этом смысле заключается в том, что на одних языках в принципе можно / более удобно / можно будет / когда-нибудь обязательно будет (!) (при этом не важно, в сколь отдаленном будущем) выразить... нечто, на других – «другое нечто».

Нередко высказывается мнение, что современной лингвосомиотике присущ *словоцентризм*, проявляющийся в том, что естественный человеческий язык (или «главное в нем») определяется через слово. Ср. точку зрения одного из видных представителей данного направления А.Б. Соломоника: «Язык – это знаковая система, в которой базисным знаком выступает слово. Любая знаковая система, где слово играет ведущую роль, является для меня языком: жестовый язык немых, барабанные языки некоторых африканских племен, флажковая сигнализация на флоте, где каждый знак представляет то или иное понятие. Все это для меня языки, созданные для коммуникации между людьми и практически применяющиеся для этой цели. С другой стороны, часто используемые словосочетания “язык тела”, “язык музыки”, “язык танца” являются для меня лишь фигуральным обозначением соответствующего явления, поскольку в нем используются иные, а не слова, знаки – телодвижения, звуки или танцевальные па. Слово как знак выражает значение, приданное ему в соответствующем языке и известное общающимся на нем людям. Ни телодвижение, ни звук, ни танцевальное па не выражают жестко связанные с ними значения и поэтому не могут составить связную речь» [25. С. 14].

Отметим, что если полностью согласиться с А.Б. Соломоником, то, например, словарь – самый настоящий *естественный человеческий язык*, и ассоциативный эксперимент, и даже буриме. Кроме того, при таком подходе остаются «вечные сложности» (сложности и для лингвистов, и для всех людей) типа: «на столе» – два слова или одно? Или: как быть со сверхдлинными словами, которые, как известно, есть во всех языках: не

только чукотском, эскимосском и немецком, но и русском, и английском (*hippopotomonstrosesquippedaliophobia*).

В этой связи примечательно, что именно американские дескриптивисты, которых есть все основания считать предшественниками современного «западного» формацентризма, исключали слово и из определения языка, и из своего исследовательского аппарата. Дело, как известно, не только и не столько в исключении из этого самого исследовательского аппарата лексической информации, носителем которой является слово, сколько в отсутствии привычной для европейской лингвистической традиции, носителями которой были американские лингвисты XX в., границы между морфемой, словом и предложением во многих американских языках – основном объекте их рассмотрения.

• **Функционализация**, к которой относят, прежде всего, изучение различных аспектов речевой коммуникации: структуры коммуникативной ситуации, распределения коммуникативных ролей, специфических речевых, а не языковых единиц (речевые акты, жанры, стратегии, тактики). Данная тенденция характерна для современных дискурсивных, риторических, стилистических (функциональная стилистика) и (отчасти) социолингвистических исследований.

Поскольку данная тенденция уже очень подробно освещена в современной лингвистике (см., например, серию статей В.М. Алпатова [1–4, 13] и др.), не будем рассматривать ее подробно, отметим лишь, что ученый считает оппозицию формальной и функциональной лингвистики даже важнее, чем противопоставление семантизации и формацентризма, и именно через нее объясняет специфику отечественной лингвистики: «На Западе очень велика роль формальной лингвистики <...> а в России <...> в целом преобладают функциональные подходы к языку» [4. С. 155].

• **Лингвистический антропоцентризм** и **когнитивизм** в широком смысле, где внимание переносится с языковых (более или менее четких и непротиворечивых) моделей на (во многом «нелогичные») модели человеческого мышления, а также **биосемиотика**, конкурирующая с лингвосемиотикой (доминантные и ризоматические модели при объяснении языковых и речевых явлений и т.п.) [26–27].

Многие идеи, впоследствии составившие основу этого направления, изложены в статье А.Е. Кибрика «Лингвистические постулаты» (1983/1992), например: «Адекватная модель языка должна объяснять, как он устроен «на самом деле» [28. С. 19]; «Всё, что имеет отношение к существованию и функционированию языка, входит в компетенцию лингвистики» [28. С. 20]; «Как содержательные, так и формальные свойства синтаксиса в значительной степени предопределены семантическим уровнем» [28. С. 21]; «Исходными объектами лингвистического описания следует считать значения» [28. С. 24]; «Устройство грамматической формы отражает тем или иным образом суть смысла» [28. С. 25].

Ср. положение, сформулированное спустя три десятилетия А.А. Кибриком: «В основе современного когнитивного подхода к языку лежит идея

целенаправленной реконструкции когнитивных структур по данным внешней языковой формы. Реконструкция опирается на *постулат об исходной мотивированности языковой формы*: в той мере, в какой языковая форма мотивирована, она «отражает» стоящую за ней когнитивную структуру» [29. С. 32].

• **Индивидуалистический субъективизм**, точнее, оппозиция **абстрактного объективизма** и **индивидуалистического субъективизма** ($A_0 \sim I_C$): эту оппозицию ввел М.М. Бахтин / В.Н. Волошинов в работе «Марксизм и философия языка» по отношению к лингвистике XIX – начала XX в. (противопоставление «условного Соссюра» и «условного Гумбольдта») [30]:

В A_0 язык понимается как устойчивая система (langage, по Ф. де Соссюру), в I_C естественный язык, с одной стороны, есть деятельность, проявляющаяся в речевых действиях, с другой – регулярный творческий процесс говорящего индивидуума (В. фон Гумбольдт).

Характеризуя современную ему лингвистику начала XX в., Бахтин говорил о господстве в ней A_0 , что он считал ее недостатком, который необходимо было «исправлять» – привнесением I_C . Такими «исправлениями», которые должны пойти на пользу лингвистике будущего, Бахтин считал, с одной стороны, концепцию речевых жанров (и был безусловно прав), с другой – филологическую и стилистическую концепцию К. Фосслера (тут, пожалуй, ошибался).

Важно, что Бахтин так охарактеризовал состояние в равной мере зарубежной и отечественной лингвистики, принципиальной разницы между ними в тот период в этом отношении он не видел (в историческом плане по Бахтину, были противопоставлены скорее немецкая и французская: A_0 он считал французской традицией, I_C – немецкой). Конечно, сейчас, в начале XXI в., мы имеем другую картину, которую едва ли можно адекватно описать через оппозицию $A_0 \sim I_C$.

• **Сближение с «неточными науками»**, использование их методов, с подчеркиванием того, что традиционные (структурные) лингвистические методы не справляются с описанием реального («слишком большого», «слишком сложного», «противоречивого», «хаотичного» и т.п.) материала. Ср., например, такие направления, как лингвокультурологическое и жанроведческое: и то и другое периодически обвиняют в отсутствии четкой методики (это обвинение со стороны формацентризма), в порочном (так!) сближении с «неточными науками», прежде всего литературоведением.

Не принимая некритично и полностью ни одного из этих определений, мы видим между ними нечто общее – довольно трудно эксплицируемое, но существенное, даже относящееся к наиболее значительным характеристикам лингвистических направлений. Полагаем, было бы ошибкой распространить какую-то одну из приведенных дефиниций (*семантизация, функционализм, постструктурализм, индивидуалистический субъективизм* и т.п.) на все направления современной отечественной лингвистики: в раз-

ных конкретных направлениях данные тенденции могут проявляться по-разному, не полностью и в сочетании друг с другом в разных пропорциях.

Полагаем, можно выделить ряд признаков, наиболее релевантных для данных направлений и наиболее частотно проявляющихся в них: *перенесение внимания с языка-системы вовне* (это «вовне» может пониматься и как внеязыковая действительность, и как функционирование языка); *активное взаимодействие с культурологией и концептологией* (изучение языковой картины мира и национальных ЯКМ, концептосфер), *персонологией* (изучение языковых личностей), *литературоведением*.

Для многих направлений характерно также стремление исследователей (явное или неявное или даже бессознательное) активно привлекать материал особого рода – *наиболее яркие, а следовательно, редкие и даже единичные примеры*, при этом скорее большие, чем традиционные для лингвистики единицы «слово-предложение», – *большие тексты*, что действительно характерно скорее для литературоведения. Ср., например, тенденцию опираться при изучении коммуникации на художественные диалоги, для многих из которых характерна стилизация вместо типизации (привлечение для этой цели в последние годы материала корпусов только усиливает данную тенденцию). Все это также способствует *описательности* в лингвистических исследованиях.

Эту тенденцию мы и называем условно *содержательноцентризм* (С_Ц) – противопоставляя *формацентризму* (Ф_Ц), который был характерен для мировой лингвистики первых двух третей XX в. и в значительной степени – для современной зарубежной / западной лингвистики, хотя понимаем недостатки, внутреннюю противоречивость данного термина.

Подчеркнем, что главными характеристиками С_Ц являются особенности *методики*. Ни объект (например, изучение конкретных концептов, речевых жанров, речевое портретирование конкретных людей), ни предмет исследования (перенесение внимания с грамматики на лексику, с системы языка на ее функционирование) сами по себе не означают С_Ц, более того, могут противоречить ему.

Так, преобладание тенденции к С_Ц над Ф_Ц в современной отечественной лингвистике не означает замену изучения грамматики на изучение лексики, хотя некоторые отдельные проявления названной тенденции имеют выраженно лексический характер (ср., например, лексическую направленность типологических штудий Е.В. Рахилиной и ее школы [11]).

Формацентризму, формализации в целом не противоречили также активизировавшиеся в последнюю треть XX века словарное дело и та семантизация, о которой говорит Ю.Д. Апресян (см. выше): например, словарь И.А. Мельчука, главной задачей которого по определению было описание *смысла* («Смысл \Leftrightarrow Текст»), не просто естественно сочетался с формализацией, но и в современной парадигме, безусловно, должен быть понят как один из самых ярких примеров Ф_Ц.

Напомним, что у И.А. Мельчука в его подходе к естественному языку как к преобразователю «Смысл \Leftrightarrow Текст», с одной стороны, основополагающим, с

другой – лишним, т.е. не интересующим лингвиста, понятием было заимствованное из кибернетики понятие черного ящика: модель естественного языка должна была обеспечивать нужный результат, а задача поиска адекватных реальности путей к нему не ставилась: «Поскольку лингвист как таковой не занимается и – по крайней мере в настоящее время – не должен заниматься нейрофизиологическим (нейрофизическим, нейрохимическим и т.п.) исследованием того, что в точности происходит в мозгу при говорении или понимании, постольку язык-преобразователь выступает для лингвистики в роли широко известного «черного ящика» [31. С. 13]; «Язык моделируется сугубо функционально, без попыток связать нашу модель с психологической (нейрофизиологической и т.п.) реальностью речевого поведения» [31. С. 27]. То, что происходит в процессе речи «на самом деле», И.А. Мельчука и его коллег не интересовало. Этим занимались либо лингвисты, специализировавшиеся в дисциплинах, тогда казавшихся маргинальными (экспериментальная фонетика), либо ученые, чья деятельность проходила вне тогдашних рамок лингвистики (А.Р. Лурия и его ученики в психологии) (см.: [13]).

По нашему мнению, ни составление словарей, ни разработка семантических метаязыков, ни описание плана содержания языковых единиц сами по себе также не составляют специфику современной отечественной лингвистики. Полагаем, не случайно опыт И.А. Мельчука более востребован в западной лингвистике, чем в отечественной; тогда как, например, пишущая и публикующаяся на английском языке А. Вежицкая с ее семантическими примитивами и культурными сценариями – более в отечественной, чем в западной.

Данный процесс – преобладание $S_{Ц}$ над $\Phi_{Ц}$ – также не означает преимущественного исследования функционального аспекта языка, а исследование функционального аспекта языка не предполагает отрицание строгих методов (как и сосредоточение на структуре языка само по себе не предполагает их наличия, тем более – адекватного и плодотворного использования). Так, изучение речевых актов, относящееся, естественно, к функциональному направлению, в том виде, в каком создавалось и разрабатывалось прежде всего западными прагмалингвистами – с тенденциями к атомизму, формализации и формулизации (ср. сильно тяготеющий к формулам метаязык ТРА, стремящийся так передать различия между разными типами РА, особенности их структуры, последовательности), относится к $\Phi_{Ц}$ – и в этом отношении противопоставляется «филологической» теории речевых жанров – это убедительно показала Вежицкая еще в 1983 г. [32].

Таким образом, то, что $\Phi_{Ц}$ может быть присущ не только собственно структурному, но и функциональному направлению, совершенно естественно. Однако при изучении реальной живой речи (не говоря уже о художественной речи) удачных и адекватных материалу формальных моделей и конкретных исследований было на порядок-два меньше, чем содержательных. Не менее естественным и логичным кажется отсутствие прямых соответствий между выбором конкретного объекта / предмета исследования и $S_{Ц}$ и $\Phi_{Ц}$, однако менее прямые соответствия есть – и довольно часто приводят к их сближению.

Основные содержательноцентричные тенденции

Рассмотрим кратко тенденции отечественной лингвистики – прежде всего современные, но отчасти и предыдущих периодов, находящиеся (в соответствии с нашей логикой) преимущественно под влиянием $C_{Ц}$, и с точки зрения $C_{Ц}$: с чем были связаны трудности (что «пришлось преодолеть»), какие были самые большие достижения (а их наличие не подлежит сомнению).

- Изучение **концептов**, по популярности у современных лингвистов явно стремящееся в «научный топ»: выраженный содержательноцентричный характер данных исследований нет необходимости специально подчеркивать (они охватывают самые разные содержательные компоненты: узуальные, коннотативные, потенциальные, ассоциативные); отметим лишь несколько, на наш взгляд, особенно показательных качеств, присутствующих концептологическим исследованиям последних лет.

Прежде всего, это касается двух наиболее актуальных направлений концептологических исследований: изучения **национально-специфических концептов** (часто в связи с культурными сценариями, «национальными характерами», в сравнении с другими национальными культурами) и **художественных концептов**, при этом в обоих случаях, естественно, ищались закономерности, но на первый план часто выходила индивидуальность.

Если обобщить – анализировались наиболее тонкие, неочевидные, потенциальные и скрытые оттенки смыслов, вернее, значений, концептуализированных в языковых (а все чаще – речевых) единицах и, важно, их устойчивых, распространенных, продуктивных – и менее продуктивных, вплоть до аномальных – сочетаниях. Большое внимание уделялось потенциальным, ассоциативным, дополнительным, невербальным источникам данных смыслов – включая культурно и авторски обусловленные, национально и персонологически специфичные источники, т.е. тексты. Для обнаружения и изучения данных оттенков смысла обращались к все более обширным и – важно – все более ярким и оригинальным (не имеющим аналогов, а следовательно, затрудняющим или даже делающим невозможным выявление настоящих закономерностей) контекстам (в конечном счете такие всегда оказываются необходимы, во-первых, в силу их самой большой яркости; во-вторых, обнаружения потенциальных возможностей, «еще и так тоже может быть», конечно, важных для полного уяснения того или иного значения и его структуры), в результате с неизбежностью имело место именно изучение индивидуальных текстов, ситуаций, смыслов. (См. выше о взглядах Гумбольдта: в форму языка он включал и лучшие сформулированные идеи (от научных, философских, общественно-политических до эстетических, включая художественную литературу), и тексты на данном языке.)

Крайностями данного подхода были, с одной стороны, преувеличение, даже абсолютизация национально-специфического начала (отсюда и не-

огумбольдтианство, и «лингвонарциссизм»), с другой – то, что, несмотря на поиск закономерностей, в центр внимания помещаются «самые лучшие», т.е. принципиально индивидуальные, тексты.

Добавим, что *ценностный компонент концепта* (важнейший, по мнению многих ученых) принципиально не поддается формализации (в отличие, например, от понятийного компонента) и может быть выявлен только опосредованно, через разнообразные текстовые проявления. (О С_Ц в изучении ценностей см.: [2, 6, 7, 33].)

Пожалуй, еще в большей степени С_Ц-ориентированным является изучение *образного* компонента: иллюстрации данного компонента тем лучше, тем «более образные», чем они более яркие и нестандартные, метафоры – авторские, а не стертые, и т.д. (см.: [34]).

- Это хорошо иллюстрируется современными исследованиями по **дискурсу** в России. Данное направление, за относительно короткий промежуток времени – с 1980-х гг. – ставшее одним из наиболее авторитетных в лингвистике речи (по мнению многих ученых, появление и развитие дискурсивного анализа привело к переосмыслению многих (или даже всех) основополагающих положений лингвистики: распространенной является точка зрения, что сегодняшняя лингвистика не может выполнять даже свои традиционные задачи – изучать язык и речь – так, как будто бы не было дискурсивного анализа [8, 35, 36]), насчитывающее, без преувеличения, тысячи работ, характеризуется большим разнообразием подходов (ср. фундаментальные исследования по научному дискурсу [37], публицистическому [38], религиозному [39], политическому [40], педагогическому [41], медицинскому [42], судебному [43], разговорному [44], интернет-дискурсу [45]), при этом для абсолютного большинства исследований по дискурсу в России характерен выраженный С_Ц.

Так, дискурс анализируется с позиций **лингвокультурологии** (исследуются отраженные в дискурсе культурные доминанты, концепты, ценности и другие *содержательные* категории и единицы); **нарратологии**, т.е. с точки зрения нарративных типов, сюжетов, ролей и т.п.; наконец, дискурс идентифицируется, классифицируется и членится через **сферы** человеческой культуры и коммуникации, в связи с социальными структурами, идеологическими установками, а также психическими состояниями ведущих дискурс языковых личностей, их целеполаганием и другими особенностями (ср. гедонистический, охотничий, банный дискурс).

(Исключение составляют работы, ориентированные на западные традиции, например на подходы Т. Гивона, Т. Лангакера и др.)

- Отдельно следует рассмотреть активно развивающуюся в России **теорию речевых жанров**, иногда понимаемую как одно из центральных направлений теории дискурса (некоторые ученые считают теорию речевых жанров главным направлением теории дискурса, а РЖ – главной единицей дискурса [8, 46]).

С_Ц-ориентированность данного направления несомненна: хотя Бахтин понимал РЖ как стандартные *формы* высказываний (РЖ являются «типич-

ческой формой высказываний, но не самими высказываниями» [47. С. 192]) и, по логике, в центре внимания должны быть описание и систематизация стандартных речевых форм, в реальности (по крайней мере, сегодняшней) данные исследования более тяготеют к $C_{Ц}$, чем $\Phi_{Ц}$: просто сегодня лингвистика не готова дать аргументированный ответ на наиболее принципиальные вопросы ТРЖ, например: какие именно механизмы позволяют носителю языка идентифицировать речевые жанры в тех случаях, когда ни конкретная языковая форма реплик, ни их последовательность не имеют ничего общего с теми, с которыми он уже сталкивался в своей речевой практике? Часто высказываемая исследователями идея «ключевых» слов, опорных реплик или типических интенций не может быть эффективно применена во многих случаях, поскольку известные заранее «ключевые» конструкции и речевые фигуры могут вообще не встретиться во вполне гладко протекающем речевом общении.

Известнейшая формальная модель при изучении живой речи – упомнутая (западная) ТРА, как известно, забуксовывает, как только дело доходит до описания более или менее объемных фрагментов и целых разговоров: насколько нам известно, дальше «сценариев» Т.А. ван Дейка (тоже достаточно локальных) дело в целом не пошло.

Показательно, что ТРЖ, изначально претендующая на описание и систематизацию принципиально более объемных единиц – РЖ (и многими исследователями понимается поэтому как более удачная альтернатива ТРА – ср., что об этом говорит А. Вежбицкая в 1983 г.), с одной стороны, скорее российская, чем западная, с другой – более содержательноцентричная, чем ТРА. Отсюда становятся востребованными соответствующие методы, напоминающие литературоведческие. Таким – сближающимся с литературоведческим – является анализ почти всех реальных художественных и нехудожественных текстов, а также устных разговоров через призму ТРЖ (такими были уже первые опыты да и исследовательский стиль Бахтина-лингвиста) (изначально, напомним, Бахтин был литературоведом). Зато этой литературоведоцентричности, как известно, полностью лишена ТРА, начиная от первых моделей Остина, Серля, Грайса.

«Исследователю, просматривающему списки “речевых актов”, обсуждаемых в лингвистической литературе, – пишет А. Вежбицкая в 1983 г., – трудно не вынести впечатления, что “речевой акт” является понятием не только никогда и нигде не определенным, но и не поддающимся определению, что это по сути гетерогенное понятие, мнимый продукт высвобождения прагматики из жестких рамок “мертвого” грамматического описания, а по сути пересечение чисто грамматического понятия – “предложения” – с нерешительно и непоследовательно популяризируемым понятием вербальной интеракции людей – носителей языка. Какие же “речевые акты” обычно привлекают внимание исследователей? Прежде всего вопросы (литература, касающаяся вопросов, пожалуй, больше, чем литература, касающаяся всех других “речевых актов”, вместе взятых); затем последовательно приказы, просьбы,

обещания, предостережения и угрозы, приветствия и прощания, поздравления и соболезнования, благодарности и извинения. То есть прежде всего высказывания очень короткие, в большинстве случаев однофразовые. Поэтому говорят: речевой акт, единица совершенно другого порядка, чем морфемы, слова или предложения; в действительности же понимают по-прежнему: предложение. Языковед чувствует, что пока он опирается на предложение – даже если он смотрит на это предложение с новой, неграмматической точки зрения – до тех пор у него под ногами твердая почва. Многофразовое высказывание – это, как ему представляется, зыбкая почва, подобная теории литературы и другим подотчетным областям “не-точного” знания.

Но с функциональной точки зрения “речевые акты” – это, конечно, не только короткие, однофразовые формы – такие, как вопросы, приказы или ритуальные формы вежливости, – но также формы средние, большие и совсем большие – такие, как манифест, заявление, проповедь, выступление, беседа, дискуссия, ссора, а также трактат, биография, хроника, мемуары и т.д. По сути, здесь вообще не может быть речи о длине, измеряемой в таких единицах грамматической структуры, как предложение.

<...> Я думаю, что для выхода из тупика в необыкновенно важной для языкознания (а также многих других гуманитарных наук) теории речевых актов следует начать именно с перенесения акцента с понятия “речевой акт” на бахтинское понятие “речевой жанр”. Речь здесь отнюдь не о замене терминологии. И речь также совсем не о противопоставлении чего-то статичного чему-то динамичному. “Речевой жанр”, как его понимает Бахтин, является действием, а не продуктом (точнее говоря, он является кодифицированной формой действия). Слово “жанр” все же лучше, меньше вводит в заблуждение, чем слово “акт”, потому что “акт” вызывает представление о высказывании коротком, одноразовом (а следовательно, вообще говоря, однофразовом). В результате исследование речевых действий человека часто превращается (чтобы не сказать: “вырождается”) в исследование типов **предложений** – в особенности тех типов предложений, которые специализировались как орудия определенных жанров» [32. S. 125–127].

Подход, при котором будет господствовать Фц (вероятно, подобный ТРА), – образ идеального будущего ТРЖ, к которому она стремится, но который пока что кажется совершенно недостижимым.

Сегодняшняя ТРЖ объективно больше тяготеет к описательности, активно привлекает в качестве материала жанрово-ролевые сценки, т.е. изображенные в художественных произведениях диалоги персонажей различных жанров (*беседа, болтовня, разговор по душам, комплимент, признание в любви, флирт, ссора, угроза, оскорбление* и мн. др.) [46], подчеркнуто много внимания уделяет описанию индивидуальных содержаний, что тоже сближает сегодняшнюю ТРЖ с чем-то наподобие литературоведения.

Ряд исследователей отмечают целесообразность обращения к художественному материалу еще по одной причине. По мнению некоторых лингвистов, художественный материал имеет преимущества при изучении РЖ:

«...многие содержательные типы высказываний <...> используются в достаточно интимных ситуациях общения, что по вполне понятным этическим причинам ограничивает возможности их наблюдения и фиксации. И в то же время подобные высказывания получают весьма частое отражение в художественных текстах. Художественные тексты вряд ли могли бы служить надежной основой для наблюдений над лексическими или грамматическими чертами русской разговорной речи, однако жанровые особенности этой речи, на наш взгляд, получают в них достаточно адекватное отражение» [48. С. 67].

Отметим, что нам не представляется убедительной идея М.Ю. Федосюка, что по мере повышения уровня языковой / речевой единицы художественный диалог становится всё более надежным материалом исследования, а в случае речевых жанров – настолько же надежным, как записи разговорной речи. Мы далеки от того, чтобы считать материал, содержащийся в жанрово-ролевых сценках, в такой же степени надежным, как оригинальный (если таковой когда-нибудь будет собран), естественно, еще более далеки от того, чтобы считать жанрово-ролевые сценки единственным источником материала при изучении РЖ. Точка зрения М.Ю. Федосюка, как представляется, верна в том отношении, что, по мере продвижения от низших уровней языковых / речевых единиц к высшим, художественный материал становится всё более необходимым из-за того, что достоверного оригинального становится всё меньше. «Полевые» исследователи устной речи – литературной, просторечной, диалектной – знают, что для того, чтобы получить практически полное представление о фонемном составе языка / его варианта, достаточно нескольких страниц расшифрованных записей; всех формообразующих морфем – нескольких десятков страниц; словообразующих – нескольких сотен; базовых синтаксических конструкций – около тысячи. Чтобы представить весь лексикон, может быть недостаточно и нескольких тысяч страниц, и всё же в конечном счёте это представляется разрешимой задачей. Но собрать записи всех текстовых разновидностей речи, т.е. РЖ, в принципе невозможно – по крайней мере, при современном уровне развития техники, а также, так сказать, современном состоянии морально-этических устоев.

Сегодняшняя ТРЖ исходит из того, что художественная литература и фильмы в целом внимательны к важнейшим тенденциям и проблемам коммуникации. Поэтому обращение к художественному материалу для осмысления таких явлений, как речевая и речежанровая картины современности, закономерно: позволяет понять и сами по себе ситуации, в разной степени типичные, из которых могут быть извлечены жанрово-ролевые сценки; и общую речежанровую картину современности.

В конечном счёте речь идет о приметах эпохи, отраженных в литературе, – как некоммуникативных, значимых для осмысления коммуникации лишь опосредованно, так и коммуникативных, неречевых (и невербальных) и речевых (в отдельных случаях – языковых):

1) технологии, быт, бытовая техника, мода, одежда, автомобили, средства связи;

- 2) ключевые слова эпохи;
- 3) прецедентные тексты;
- 4) заимствования и/или неологизмы;
- 5) (опосредованно) идеология и другие ценностные ориентиры, приоритеты, представления «о хорошем и плохом», включая эстетику;
- 6) межличностные отношения, социальная иерархия, коммуникация.

В некоторых случаях в произведении есть и коммуникативная (включая непосредственно речевую) **рефлексия**: она представляет собой особенно ценный материал, однако к ней надо относиться весьма осторожно, ибо такая рефлексия, как и жанрово-ролевые сценки, отражает лишь одну, с неизбежностью субъективную точку зрения – автора произведения. Поэтому информативнее может быть так называемая **непрямая рефлексия**, а именно: конфликты, например изображенное в литературе и фильмах взаимодействие носителей разных коммуникативных компетенций (а такое взаимодействие практически всегда в той или иной степени конфликтно), где нас прежде всего, в соответствии с нашими задачами (изучение отражения в литературе реальных проблем современной речевой коммуникации), интересуют коммуникативно значимые различия между ними: *олдтаймеры*, *лузеры* и *продвинутые*, *прошаренные*, *прошитые* и т.п. (эти наименования-неологизмы сами по себе очень интересны); столкновение старых и новых, общенациональных и специфических групповых норм, умений (и неумений), систем ценностей; возможен нравственный или идеологический вывод автора книги или фильма (например о деградации, «расчеловечивании» или, наоборот, «бесценном новом опыте», «освобождении от предрассудков / шор» и т.п.).

Тенденцией к содержательноцентризму отчетливо отмечена деятельность обоих **академических лингвистических институтов** в России – Института русского языка им. В.В. Виноградова и Института языкознания, а также Института русского языка им. А.С. Пушкина, точнее, ряда коллективов в них, о которых скажем подробнее:

Институт русского языка им. В.В. Виноградова:

- 1) словарное дело (толковые объяснительные словари): традиция, идущая от Ю.Д. Апресяна, Ю.Н. Караулова, Л.П. Крысина;
- 2) изучение русской разговорной речи в связи с ситуациями, ролями, жанрами, языковыми личностями (от М.В. Панова, Е.А. Земской, Е.Н. Ширяева);
- 3) лингвоперсонология (от Ю.Н. Караулова).

Институт языкознания:

- 1) психолингвистика (Ю.А. Сорокин, Н.В. Уфимцева);
- 2) логический анализ языка (Н.Д. Арутюнова).

В рамках данного направления изучаются **концепты**: *душа, правда, дружба, отношения, гостеприимство, справедливость, милосердие*. Главные содержательно-коннотативные характеристики этих концептов в рамках «школы» осмысляются через некоторые более **общие**, чем конкретные концепты, **категории**: в частности, такой принципиально значимой для

русской концептосферы, наполняющей содержанием практически все ее отдельные «ключевые концепты», московские исследователи считают категорию *пространства* (точнее – *огромных пространств*, на которых происходило становление русской нации, *загадочной русской души*).

Значимые для осмысления отдельных концептов и многих более общих особенностей русской культуры в целом **концептуальные оппозиции** типа *правда ~ истина*, *воля ~ свобода*, *простор ~ пространство*, *справедливость ~ законность*, *удаль ~ мужество*, *радость ~ удовольствие*, *жадность ~ сочувствие*.

Делаются попытки привести их к одному знаменателю, например свести их к одному пространственному измерению, как это делают Н.Д. Арутюнова и ее последователи: «Концепт “воли” хорошо согласуется с пространственной (бытийной) ориентацией русского языка, а также с понятием стихии и стихийных действий. *Простор – воля – стихия* образуют единый комплекс» [49. С. 813], вплоть до выявления клаустрофобии в качестве черты русского национального характера [50. С. 78]; ср. гедонистическое объяснение значений ключевых слов русской культуры («*Простор* – это когда легко дышится, ничто не давит, не стесняет, когда можно пойти куда угодно, когда *есть разгуляться где на воле*» [50. С. 75]).

В самом общем виде цели и основные результаты «лингвоконцептологической» работы московских ученых можно охарактеризовать следующим образом: исследуются, прежде всего, безэквивалентные концепты, представленные в единицах и системных отношениях русского языка (прежде всего в лексике).

Характеризуя **Институт русского языка им. А.С. Пушкина**, следует отметить деятельность Т.В. Нестеровой, исследующей непрямую коммуникацию [51], и В.И. Карасика (с 2018 г.), исследующего концепты, прежде всего, с точки зрения ценностей [52].

В этой связи сделаем важное замечание: пожалуй, наиболее яркие представители C_{Π} в современной лингвистике – **русисты** (ср. все приводимые выше данные об Институтах русского языка), однако не только они: C_{Π} ярко проявляется, например, в сравнительной лингвоконцептологии (В.И. Карасик, И.А. Стернин) и лексической типологии (Е.В. Рахилина); при этом **зарубежные** русисты (и некоторые ориентированные на зарубежные подходы отечественные лингвисты, такие как Анна Гладкова) ближе к зарубежной (западной) науке. Ср. спецвыпуск «Вестника РУДН», редактируемого Т.В. Лариной, посвященный современной русистике [53]: на страницах не оказалось представлено... ни одного отечественного лингвиста-русиста.

Добавим еще несколько тенденций и направлений исследований, возможно, не столь заметных, но, как представляется, не менее значимых:

- Изучение **интернет-коммуникации**. На первый взгляд это не самый характерный пример C_{Π} . Изучение интернет-коммуникации – одно из трех направлений отечественной лингвистики последних 10–15 лет, по частотности, интенсивности обращения к ним исследователей (осторожно не бу-

дем употреблять слова «актуальности»), на порядок превосходящих все остальные (на количество диссертаций, защитившихся по данным темам, в частности, было обращено внимание экспертами ВАК на рубеже 2000–2010-х гг.), наряду с дискурсивными и лингвокультурологическими исследованиями. Причем если СЦ-ориентированность двух последних очевидна (была рассмотрена выше на примере ТРЖ и концептологии), то с интернет-коммуникацией дело обстоит совершенно по-другому, по крайней мере на настоящем этапе.

Имеем в виду следующее.

Хотя интернет-коммуникации, как и коммуникации в целом, присуще стремление к влиятельности, а значит, к яркости (и в качестве иллюстраций, например, интернет-жанров исследователи выбирают не менее яркие и индивидуальные образцы, чем жанрово-ролевые сценки у исследователей устных жанров), на настоящем этапе более заметны противоположные формальные тенденции, проистекающие из технической (компьютерной) обусловленности интернет-коммуникации. Сюда относится, прежде всего, упорядоченный символический характер носителей информации в интернет-коммуникации, доступных для стандартного компьютерного анализа – опознавания, поиска и подсчета. В общении через посредство Интернета это проявляется в возможности искать интересующую информацию, находить и – что не менее важно – извлекать из *чужого* текста цитаты, как подтверждающие собственную точку зрения (например, в споре), так и иллюстрирующие точку зрения оппонента, с которой спорят. Не менее важно то, что данный поиск осуществляется по более или менее стандартным, узнаваемым, относительно объемным текстовым блокам от ключевых слов до ключевых фраз РЖ, частично варьируемым (современные интернет-поисковики позволяют это) [54].

Представляется, что эти характеристики интернет-коммуникации – причем как самой интернет-коммуникации, осознаваемые ее участниками и важные для них, так и исследований интернет-коммуникации, которые поэтому тоже приобретают формальный характер (а это противоречит СЦ), – являются определяющими, отличающими интернет-коммуникацию от других разновидностей коммуникации на данном этапе – и, несомненно, останутся таковыми на достаточно продолжительное время.

Но и здесь уже сейчас намечаются противоположные тенденции: именно из-за того, что названные технические, формальные характеристики интернет-коммуникации являются постоянными, они менее ценятся. Если, например, найти нужную информацию, ссылку, цитату теперь очень легко, то ценятся в общении другие вещи, которые невозможно достичь таким образом, – прежде всего «нелогичное творчество», об этом пишет, например, в свойственной ему парадоксальной манере, публицист М. Делягин: «Это будет означать, что человек будет концентрировать свои усилия на недоступной компьютеру компоненте мышления, в которой сохранится исключительная “человеческая монополия”, – мышлении внелогическом, образом (в том числе творческом или мистическом). Соответственно, и

конкуренция людей будет вестись на основе внелогического, образного мышления. Наибольшего успеха в конкуренции: как внутри обществ, так и в глобальном масштабе, – будут достигать склонные к такому мышлению люди и коллективы, в которых они будут играть наиболее значимую роль. Учитывая разницу между мужским, склонным к формальной логике, и женским, оперирующим образами и склонным к интуиции и озарениям типам интеллекта (их различие четко выражает афоризм “мужчина узнает, женщина знает”), развитие компьютерных технологий может вернуть нас в подобие матриархата. Вероятный предвестник этого – растущее (даже в не слишком демократических обществах) число занимающих руководящие посты женщин, вызывающих остервенение мужчин спецификой своей логики, во все большем числе случаев более эффективной» [55].

• Изучение *лингвокреативности* и *ЯИ* разных типов. На первый взгляд это такой же малохарактерный пример $C_{Ц}$, как только что рассмотренное изучение интернет-коммуникации: в последнее время это направление исследований действительно очень сильно активизировалось (начиная с появления фундаментальных работ Й. Хейзинги, Э. Берна, еще раньше – Л. Виттгенштейна), а появление и распространение в последнее десятилетие видеоигр и онлайн-игр сделали данные исследования еще на порядок более актуальными и многочисленными. Однако прежде всего активизировались описания *правил игр* (в видеоиграх и онлайн-играх особенно), а это ближе к $\Phi_{Ц}$, чем $C_{Ц}$, да и в изучении данных феноменов сильны западные традиции (а им присущ, как было показано, $\Phi_{Ц}$).

В пространстве игровой коммуникации сейчас происходит настоящий расцвет игровых онлайн-жанров (возможно, мы наблюдаем лишь начало такого расцвета – будущее покажет).

Вовлеченность пользователей, особенно молодых, в эти виды и жанры коммуникации уже привела к социопсихологическому сдвигу (некоторые социологи говорят о более жестком, чем в предыдущие периоды, противопоставлении поколений, основой которого является отношение и Интернету, и прежде всего – онлайн-играм) (так, у современных студентов слова «игра», «правила игр» вызывают новые устойчивые ассоциации: «ролевых»), причем это противопоставление, начавшееся с игровой коммуникации, впоследствии распространяется и на неигровую коммуникацию.

Данный феномен активно осмысливается философами, социологами¹, а также писателями¹.

¹ Ср. исследование, проведенное Сбербанком совместно с агентством Validata в 2016 г., целью которого было выявить новые ценностные ориентиры и приоритеты, изменения в профессиональной и коммуникативной компетенции, лидерские качества и т.д. современного «поколения Z», т.е. 15–20-летних, в России (в Москве, Саратове и Барнауле). К самым показательным выявленным результатам относят то, что «онлайн формирует реальность, а не наоборот», молодые лучше воспринимают информацию, представленную кратко и наглядно (средний период концентрации – восемь секунд), а иконки и смайлики всё чаще заменяют текст. Тренды меняются очень быстро, долгосрочные привязанности отсутствуют даже в музыке и кино, ярко выраженных субкульту-

Он активно изучается также в лингвистике (прежде всего в западной), теории коммуникации, теории игр и т.д.: ряд интересных исследований был посвящен:

- правилам онлайн-игр и видеоигр и (иногда) формируемым в результате коммуникативно-речевым практикам и даже нормам [56–59];
- складывающимся отношениям и ролям участников онлайн-игр и видеоигр, включая аспекты цифровизации и формализации интерактивных и скриптовых взаимодействий и социальный символизм, разговоры, взаимопонимание и конфликты игроков, функции коммуникации в многопользовательских ролевых играх, социальные идентичности в виртуальных мирах, личности и сообщества, фэндомы [56, 60];
- более общим вопросам: социальному и культурному значению онлайн-игр и видеоигр, компьютерам в индустрии развлечений, философии онлайн-игр и видеоигр [61–63].

В отечественной науке данному феномену, к сожалению, были посвящены лишь единичные исследования (см., например: [64–66]), причем фактически не было не только жанроведческих, но и серьезных лингвистических работ, что обязательно должно быть исправлено в будущем.

тур больше нет. С родителями у «поколения Z» сформировались партнерские, свободные отношения. Взрослые не являются абсолютным авторитетом, так как дети превосходят их во многих навыках. Современные молодые люди не любят и не могут быть одни, стремятся к популярности и больше всего ценят качества, которые помогают им общаться. При этом «каждый уверен в собственной исключительности и единым поколением с друзьями себя не считает» (Известия. 29.03.2017. URL: <http://izvestia.ru/news/674268>).

¹ Ср., например, роман Б. Акунина «Квест», где повествование постоянно прерывается тестовыми вопросами с последующими отсылками к разным страницам; произведение читается с начала и с конца («книга-перевертыш») и имеет несколько вариантов и сюжета, и финала; иллюстрации к роману названы «скриншотами» и т. д.

Представляет интерес также фантастический цикл Сергея Лукьяненко «Глубина», который составляют три произведения: романы «Лабиринт отражений» (написан в 1996–1997 гг.) и «Фальшивые зеркала» (1998) и повесть «Прозрачные витражи» (1999). В цикле Лукьяненко в Интернете появляется новая реальность – «глубина», в которой люди могут жить. В отличие от настоящего сегодняшнего Интернета, «глубина» не виртуальна, а субъективно реальна: специальная программа «*deer*» вводит человека в состояние гипноза, в результате происходящее на экране компьютера воспринимается им как полная реальность (включая боль, ранения и даже сытость от пищи и опьянение от алкоголя, «съеденных и выпитых» в «глубине»), недостающие детали которой автоматически «додумываются» подсознанием: авторы сайтов создают только самые общие очертания, эскизы как обстановки (здания, мебель, машины), так и внешности людей. Перед нами фантастическая реальность, в которой, с одной стороны, «возможно всё», но с другой – используется довольно ограниченное количество возможностей, поскольку ее «творят» реальные люди – наши современники, носители «обыкновенных» умений, привычек и потребностей. В этом отношении очень интересны, с точки зрения нашего исследования, именно те н о в ы е формы коммуникации (и связанные с ними преимущества и проблемы), которые возникают в этой фантастической «глубине», творимой обычными людьми (подробнее см.: [35].)

Отчетливый C_{Π} -характер изучения лингвокреативности и ЯИ состоит, прежде всего, в том, что оба феномена представляют собой разновидности *непрямой коммуникации*, в которой C_{Π} составляет основу ее природы.

•**Непрямая коммуникация.** Уже из определения НК, как и из разработки начальной модели ее анализа, следует, что содержательный план НК (аспекты интерпретации, включая особую активность интерпретативных усилий адресата речи по поиску актуальных смыслов) по сравнению с формальным является гораздо более значимым.

Так, имеет отчетливый C_{Π} -ориентированный характер общее **определение НК** (содержательно осложненная коммуникация, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата); **модель НК**, включающая два аспекта (прочтение высказывания в НК определяется условиями ситуации общения; обязательным свойством НК является креативность); **классификация НК**, где основные типы выделяются тоже на C_{Π} -ориентированных основаниях – степень конвенциональности базовых диад (от ядерных предложений до нетипизируемой даже жанрово коммуникации).

Обобщая чрезвычайно популярные (и чрезвычайно разнообразные) исследования по НК последних лет (см. наш обзор: [67]), следует отметить две тенденции.

Во-первых, определяющим для НК считается наличие смыслов, которые выводятся не из буквального значения слов и синтаксических правил в высказывании, а *откуда-то еще*. Это «откуда-то еще» охватывает чрезвычайно широкий диапазон явлений самой разной семиотической природы, причем в отечественной традиции изучения не прямой коммуникации эта разнородность и обширность поля НК постоянно подчеркивается [51, 68, 69], тогда как в западной традиции косвенность обычно связывается с более ограниченным кругом явлений, и прежде всего – с интертекстуальностью. А именно: знание, память говорящего о том, что его высказыванию предшествовали чьи-то другие, похожие на него или нет, но обязательно каким-то образом с ним связанные, заставляет говорящего и слушающего в чем-то иначе интерпретировать это высказывание, а в чем-то – и иначе строить (например, какую-то часть, которую помнят из этих чужих предшествующих высказываний, можно просто опустить) [70–72].

Поэтому, во-вторых, закономерно, что очень многое для решения проблем НК дает активно развивающаяся в последние десятилетия и уже обобщавшаяся здесь **когнитивная лингвистика**, для которой все эти проблемы являются принципиальными (как и то, что аспекты «непрямоты» коммуникации и текста являются в высокой степени актуальными для когнитивной лингвистики).

Подчеркнем один принципиальный момент теории и методики изучения НК, который был в полной мере актуализован только с развитием когнитивной теории и ее активным применением в исследованиях по НК. Речь идет о том, что на смену исследованиям в собственно **лингвистике прямых и кос-**

венных значений, прежде всего *слов*, в **коммуникативистике** пришли исследования непрямого выражения коммуникативных *смыслов* (ср., например, выработанные соответствующими национальными культурами нормы и типы наиболее регулярных приемов использования косвенных высказываний); в **когнитивной лингвистике** – исследование того, как осуществляется прямое и не прямое отражение *концепта* и его многих содержательных аспектов (включая, например, этимологический и ассоциативный) в разных частях и аспектах текста и общей речемыслительной деятельности носителя языка.

Под прямым и непрямым отражением концепта, о котором мы говорим, в когнитивной лингвистике обычно понимается разная степень выраженности концепта в языке (семантические поля, категории, оценочные шкалы и т.д.), причем прямым обычно считается способ выражения концептов в *слове*, т.е. концепт выражен прямо, когда используется в тексте / есть в системе *лексема*. Часто наличие *названий* (в коммуникативном концепте – жанров, речевых актов, стратегий, тактик, ролей, типажей) признается определяющим фактором (хотя, как известно, при изучении концептов в целом лексический компонент – исключительно важный, но далеко не единственный). В качестве дополнительных средств выражения концепта выступают довольно многочисленные «спецсредства»: грамматика (когда есть), синтаксические конструкции, частицы, междометия, коммуникативы и т.д. В ассоциативном слое концепта, выявляемом экспериментально, выделяются *редкие* реакции на стимул (а значит, маркированные средства), которые тоже есть все основания считать непрямой реализацией концепта [73].

Для НК существенным является исследование: 1) коммуникативных единиц значительного объема (крупных), сложных, содержательно многомерных, включающих структурные составляющие принципиально разной (вербальной и невербальной) природы; 2) градуируемых, различающихся степенью, прежде всего своей жесткости, в разной степени упорядочивающих коммуникацию. Здесь обычно (но не всегда) выделяется «прямая» составляющая – наиболее конвенциональная, обычно вербальная, а точнее – лексическая.

Место когнитивной теории (как частный случай – когнитивной лингвистики) в общем ряду дисциплин, пересекающихся с теорией не прямой коммуникации / изучающих НК, определяется тем, какое место занимает данная теория среди дисциплин, изучающих различные способы передачи информации (обмена смыслами, коммуникативного взаимодействия) – как при помощи специализированных конвенциональных вербальных и невербальных знаковых систем, так и без помощи таких конвенциональных систем.

Итак, определяющими для НК, как мы ее понимаем, являются смыслы, источниками которых служат *не* конвенциональные значения языковых единиц (их изучает традиционная, т.е. системно-структурная, лингвистика).

Поэтому к ведению теории НК, в пределах собственно языковой системы, относится только языковая лакуарность, например выявляемая в межкультурной коммуникации, а также «асистемное в системе», т.е. язы-

ковая асимметрия – метафора, синонимы, полисемия, единицы, образующие поля, – вопрос, который, как известно, начали ставить еще в системно-структурной лингвистике (начиная с Ш. Балли, Э. Бенвениста, В. Матезиуса, С. Карцевского); настоящая же систематизация данных языковых явлений – это прерогатива теории НК.

• Еще одно активизировавшееся в последние десятилетия направление лингвистики, где C_{Π} является принципиальным и даже решающим фактором, – **персонологическая лингвистика** (или **лингвоперсонология**), изучающая проблемы **языковой личности**, особенно такая ее часть, как **портретирование ЯЛ**.

Показательно, что К.Ф. Седов назвал данное направление «*лингвистикой индивидуальных различий*»:

Необходимо соотнести предмет лингвистики индивидуальных различий с общим предметом ПЛ-науки. Таким предметом следует, по нашему мнению, считать коммуникативную компетенцию, которая рассматривается в индивидуально-психологическом аспекте. Предметом психолингвоперсонологии, в русле заявленного подхода, будет модель коммуникативной компетенции личности. Она включает в себя аспекты (границы), которые показывают коммуникативную составляющую разных уровней личности. Коммуникативная индивидуальность человека складывается из комбинации типологических черт коммуникативной компетенции, которые относятся к разным типологиям, дифференцирующим личностей на основе различных оснований. <...>

Такая модель, на наш взгляд, должна включать в себя пять уровней (аспектов) выражения коммуникативного поведения и речевого мышления:

1. Уровень врожденных предпосылок формирования коммуникативной компетенции.
2. Уровень формирования коммуникативных черт характера.
3. Уровень сформированности речевого мышления.
4. Уровень жанрово-ролевой компетенции.
5. Уровень культурно-речевой компетенции [8. С. 44–46].

Понятно, что при изучении языковой личности, еще больше – портретировании ЯЛ уникальный, малостандартный и нестандартный речевой материал является в высокой степени востребованным.

Заключение

Итак, нами был осуществлен краткий обзор направлений современной отечественной лингвистики, которым присущ C_{Π} , т.е. тенденция изучать содержательные аспекты языковых и речевых единиц и (хотя это не обязательно и обычно не декларируется прямо) меньше внимания уделять формальному аспекту.

Сравнивая эти направления, обнаруживаем ряд других общих важных свойств – теперь уже не столько тематических (предметных), сколько методических:

- отсутствие или несоразмерно малая доля лингвистического анализа конкретного материала – языковых и речевых единиц, предшествующий выводам более общего характера («перепрыгивание ступеней»), или, другими словами, преимущественно дедуктивный характер;

- принципиальная типологическая незамкнутость материала, распределяемого по анализируемым сферам, возможность (а иногда – обязательность) дополнения списка даже базовых противопоставлений (таких, например, как фатические и информативные речевые жанры; ценностно-, понятийно-, образно-ориентированные концепты и т.п.), при этом характер данных противопоставлений нежесткий;

- привлекаемому материалу свойствен креативно-центризм, а как следствие – единично-центризм, в результате анализу во многих случаях присуща определенная степень субъективизма, что сближает лингвистический анализ с литературоведческим.

Пользу приведенных суждений мы видим в осмыслении интегративных процессов, характерных для современной науки в целом и лингвистики в частности, а именно: могут быть намечены более естественные и менее естественные линии интеграции, обнаружены неочевидные, но важные сложности (например, интеграция отечественной и западной традиций, изучение формы и содержания, системы и ее функционирования в разных их аспектах и т.д.).

Именно подход с точки зрения интеграции наполняет смыслом рассуждения о *границах*, которые в основном и рассматривались в этой статье, – причем предлагаемые ответы, сознаем, были нередко субъективны и далеки от окончательных.

Сц склонен к экспансии, проникает и в те научные направления и центры, которым изначально не был свойствен, в частности упомянутые группы под руководством А.А. Кибрика, Е.В. Рахилиной (А.А. Кибрик хотя и активно опирается на западные традиции, но является главой *когнитивного* изучения дискурса [74]; немаловажно и то, что в изучении дискурса А.А. Кибрик больше всего опирается на *семантические* идеи Уоллеса Чейфа; изучение неиндоевропейских языков в центрах под руководством Е.В. Рахилиной, Н.Р. Добрушиной и др. в последнее время приобретает отчетливый социолингвистический аспект (ср. регулярные публикации этого коллектива в журнале «Вопросы языкознания» [75, 76] и др.).

Наиболее, конечно, принципиальный вопрос – как отграничить изучение речевых структур – главного объекта жанроведения, причем, как все речевые структуры, они значимы для изучения языка – главного объекта лингвистики [77], – от изучения ярких индивидуальных речевых и авторских, индивидуально-коммуникативных (автор + партнер) «картинок»? И второе: возможно ли это? И следует ли вообще решительно отграничивать одно от другого?

Мы отдаем себе отчет в том, что опасности «спрямления изгибов», которой мы пытались избегать (например, не принимая некритично ни одно из существующих определений, таких как *индивидуалистический субъек-*

тивизм, семантизация, функционализм и т.п. — см. выше), избежать до конца не удалось. Некоторые тенденции, противоположные С_Ц, мы уже назвали, например подход В.А. Салимовского и др. к исследованию РЖ.

Литература

1. Алпатов В.М. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М. : Языки славянских культур, 2005. 432 с.
2. Алпатов В.М. О двух «детских болезнях» современной лингвистики (язык, идеология, речевые жанры) // Жанры речи. 2014. № 1–2(9–10). С. 9–15.
3. Алпатов В.М. Что и как изучает языкознание // Вопросы языкознания. 2015. № 3. С. 7–21.
4. Алпатов В.М. Русская лингвистика и мировая лингвистика // Русский язык: исторические судьбы и современность: VI Международный конгресс исследователей русского языка : труды и материалы / под ред. М.Л. Ремневой, О.В. Кукушкиной. М., 2019. С. 154–155.
5. Сиротинина О.Б. Лингво-философские размышления как результат многолетнего мониторинга речи // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 5–11.
6. Карасик В.И. Языковая матрица культуры. М. : Гнозис, 2013. 320 с.
7. Карасик В.И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. Волгоград : Парадигма, 2015. 432 с.
8. Седов К.Ф. Общая и антропоцентрическая лингвистика. М. : Языки славянских культур, 2016. 440 с. (Studia philologica).
9. Шмелева Т.В. Речеведение: в поисках теории // Stylistyka VI. Opole, 1997. S. 301–313.
10. Маслова В.А. Основные тенденции и принципы современной лингвистики // Вестник РУДН. Серия: русский и иностранный языки и методика их преподавания. 2018. Т. 16, № 2. С. 172–190.
11. Рахилина Е.В. Когнитивная семантика: история, персоналии, идеи, результаты // Семиотика и информатика : сб. науч. тр. Вып. 36. М. : Русские словари, 1998. С. 274–323.
12. Haspelmath M. The Indeterminacy of Word Segmentation, and the Nature of Morphology and Syntax // Folia Linguistica. 2011. Vol. 45, № 1. P. 1–34.
13. Alpatov V.M. De Saussure à Sapir: la linguistique russe récente // Cahiers de ILLSL. 57. Université de Lausanne, 2018. P. 179–196.
14. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М. : Радуга, 1984. 400 с.
15. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 1, 2. Харьков, 1888–1899.
16. Peirce C.S. Elements of logic // Collected papers of Charles Sanders Peirce. Vol. 2. Cambridge, MA, 1960. 116 p.
17. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960. С. 264–398.
18. Соссюр Ф. де Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 31–285.
19. Абаев В.И. Статьи по теории и истории языкознания. М. : Наука, 2006. 150 с. (Памятники отечественной науки. XX век).
20. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М. : АСТ: Восток–Запад, 2007. 314 с.
21. Langacker R.W. Foundations of cognitive grammar. Vol. 1: Theoretical prerequisites. Stanford : Stanford University Press, 1987. 540 p.
22. Lakoff G. Cognitive Semantics // Umberto Eco (ed.), Meaning and Mental Representation. Bloomington : Indiana University Press, 1988. P. 119–155.

23. Крючкова О.Ю. Когнитивная лингвистика и эвристический потенциал словообразования // Предложение и слово. Саратов, 2013. С. 86–93.
24. *Gajda St.* Styl narodowy jako kategoria stylistyczna // *Stylistyka XXI*. 2012. Opole, 2012. S. 7–18.
25. Соломоник А. О языке и языках. М. : Спутник+, 2017. 394 с.
26. *Maturana H.R.* Reality: The search for objectivity, or the quest for a compelling argument // *Irish Journal of Psychology*. 1988. № 9 (1). P. 25–82.
27. Кравченко А.В. Биологическая реальность языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 1. С. 55–64.
28. Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М. : Изд-во МГУ, 1992. 336 с.
29. Кибрик А.А. Когнитивный подход к языку // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика. М., 2015. С. 26–47.
30. Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка. М. : Лабиринт, 1993. 196 с.
31. Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл \leftrightarrow Текст». Семантика, синтаксис. М. : Наука, 1974. 360 с.
32. *Wierzbicka A.* Genry mowy // *Tekst i zdanie. Zbiór studiów* / red. T. Dobrzyńska, E. Janus. Wrocław itd. : PAN, 1983. S. 125–137.
33. Дементьев В.В. Коммуникативные ценности русской культуры: Категория персональности в лексике и прагматике. М. : Глобал Ком, 2013. 336 с.
34. Балашова Л.В. Русская метафора: прошлое, настоящее, будущее. М. : Языки славянской культуры, 2014. 496 с. (*Studia Philologica*).
35. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М. : Гнозис, 2003. 280 с.
36. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.
37. Салимовский В.А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (русский научный академический текст). Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2002. 235 с.
38. Дускаева Л.Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров / под ред. М.Н. Кожинной. СПб., 2012. 274 с.
39. Бобырева Е.В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения). Волгоград : Перемена, 2007. 375 с.
40. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М. : Гнозис, 2004. 326 с.
41. Олешков М.Ю. Педагогический дискурс : учеб. пособие для студентов вузов. Нижний Тагил : Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2012. 310 с.
42. Пономаренко Е.А. Речевые жанры в медицинском дискурсе (в произведениях русских писателей-врачей). Симферополь : Дом писателей им. Домбровского, 2011. 208 с.
43. Дубровская Т.В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2010. 40 с.
44. Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. 430 с.
45. Щиткина Л.Ю. Жанры компьютерно-опосредованной коммуникации. Архангельск : Поморский университет, 2009. 238 с.
46. Дементьев В.В. Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 600 с. (Коммуникативные стратегии культуры).
47. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров: Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров». Проблема текста // Собр. соч. : в 5 т. М., 1996. Т. 5: Работы 1940-х – начала 1960-х годов. С. 159–206.
48. Федосюк М.Ю. Исследование средств речевого воздействия и теория жанров речи // Жанры речи. Саратов : Колледж, 1997. Вып. 1. С. 66–88.
49. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1999. 896 с.

50. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира. М.: Языки славянской культуры, 2002. 224 с. (Язык. Семиотика. Культура. Series Minor).
51. Нестерова Т.В. Непрямая коммуникация в обиходной сфере (русскоязычное общение) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 5–1 (47). С. 156–162.
52. Карасик В.И. Языковые картины бытия. М. : Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2020. 468 с.
53. Вестник Российского университета дружбы народов: Научный журнал. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 21, № 3: Коммодификация русского языка. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2017-21-3>.
54. Дементьев В.В., Степанова Н.Б. Корпусная генристика: проблема ключевых фраз // Жанры речи. 2016. № 1 (13). С. 24–41.
55. Делягин М. Человек-трансформер: Техносоциальная эволюция в XXI веке // Завтра. 2019. 23 янв. URL: <http://zavtra.ru/blogs/chelovek-transformer>.
56. Crawford G., Rutter J. Playing the Game: Performance and Digital Game Audiences // Fandom: Identities and Communities in a Mediated World / eds by J. Gray, C. Sandvoss, C.L. Harrington. London : New York University Press, 2007. P. 271–281.
57. Drachen A., Smith J.H. Player Talk: The Functions of Communication in Multi-player Role-playing games // Computers in Entertainment. 2008. № 6/4. P. 1–36.
58. Falcão Th., Ribeiro J.C. The Whereabouts of Play, or How the Magic Circle Helps Create Social Identities in Virtual Worlds // Online Gaming in Context: The Social and Cultural Significance of Online Games / eds. by G. Crawford, V.K. Gosling, B. Light. London : Routledge, 2011. P. 130–140.
59. Salen K., Zimmerman E. Rules of Play: Game Design Fundamentals. London : MIT Press, 2004. 128 p.
60. Drachen A. Analyzing Player Communication in Multiplayer Games // Online Gaming in Context: The Social and Cultural Significance of Online Games / eds. by G. Crawford, V.K. Gosling, B. Light. London : Routledge, 2011. P. 201–223.
61. Cogburn J., Silcox M. Philosophy through Video Games. London : Routledge, 2009. 108 p.
62. Juul J. Half-Real: Video Games between Real Rules and Fictional Worlds. Cambridge : MIT Press, 2005. 211 p.
63. Mäyrä F. Introduction to Game Studies: Games in Culture. New York : SAGE Publications, 2008. 136 p.
64. Рыбалтович Д.Г. Психологические особенности пользователей онлайн-игр с различной степенью игровой аддикции : автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2012. 20 с.
65. Антоненко А.А. Интернет-зависимость подростков от компьютерных игр и онлайн-общения: клинико-психологические особенности и профилактика : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2014. 20 с.
66. Карасик В.И. Компьютерная игра «StarCraft»: лингвокультурные характеристики // Интернет-коммуникация как новая речевая формация / науч. ред. Т.Н. Колокольцева, О.В. Лутовинова. М., 2012. С. 237–254.
67. Дементьев В.В. Актуальные проблемы непрямой коммуникации и ее жанров: взгляд из 2013 // Жанры речи. 2014. № 1–2(9–10). С. 22–49.
68. Марюхин А.П. Непрямая коммуникация в научном дискурсе (на материале русского, английского, немецкого языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 20 с.
69. Паремзуашивили Э.Э. Речевая агрессия в непрямой коммуникации (на материале русской классической и современной литературы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 20 с.
70. Tannen D. Indirectness in Discourse: Ethnicity as Conversational Style // Discourse Processes. 1981. № 4, pt. 3. P. 221–238.

71. Tannen D. That's Not What I Meant!: How Conversational Style Makes or Breaks Relationships. N.Y. : Harper Perennial, 1986. 224 p.
72. Tannen D. Indirectness at Work // Language in Action: New Studies of Language in Society, Festschrift for Roger Shuy / eds. by J. Peyton, P. Griffin, W. Wolfram, R. Fasold. Cresskill, NJ : Hampton Press, 2000. P. 189–212.
73. Гольдин В.Е. Концептуальные переменные образа мира по данным ассоциативных словарей // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог», Бекасово, 26–30 мая 2010 г.. М., 2010. Вып. 9 (16). С. 97–101.
74. Кибрик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. 1994. № 5. С. 126–139.
75. Мороз Г.А. Словговая структура адыгейского языка // Вопросы языкознания. 2019. № 2. С. 82–95.
76. Добрушина Н.Р. Многоязычие в Дагестане конца XIX – начала XXI века: попытка количественной оценки // Вопросы языкознания. 2011. № 4. С. 61–80.
77. Дементьев В.В. Что дало жанроведение современной лингвистике? // Жанры речи. 2020. № 3 (27). С. 172–194.

About Some Content-Centric Trends in Modern Russian Linguistics

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 72. 42–73. DOI: 10.17223/19986645/72/3

Vadim V. Dementyev, Saratov State University (Saratov, Russian Federation).
E-mail: dementevvv@yandex.ru

Keywords: modern Russian linguistics, content-centrism, concepts, speech genres, Internet communication, linguistic creativity, indirect communication, linguistic personology.

The article discusses the trends of modern Russian linguistics, which are characterized by content-centrism, i.e. the tendency to study the content aspects of linguistic and speech units and (usually) pay less attention to the formal aspect. The most relevant signs for these areas include: transferring attention from the system language to the outside; active interaction with cultural studies and conceptology, personology, and literary criticism. From this point of view, the article considers: 1) the study of concepts (and their individual components: connotative, customary, potential, associative); 2) the study of speech genres (although Bakhtin understood speech genres as standard forms of utterance, today these studies are more inclined to content-centrism and descriptiveness, actively attract role-playing scenes as material, and emphasize a lot of attention to describing individual meanings); 3) the study of Internet communication; 4) the study of linguistic creativity and language games of various types; 5) the study of indirect communication as a whole (the general definition of indirect communication is of a clear content-centered orientation (meaningfully complicated communication in which the understanding of the utterance includes meanings not contained in the utterance itself and requires additional interpretative efforts by the addressee); classification of the indirect communication, where the main types are distinguished on the basis of content-centered orientation; 6) personological study of a linguistic personality, portrayal of linguistic personality. Comparing these directions, we find a number of common important methodological properties: 1) the absence or disproportionately small proportion of linguistic analysis of a specific material – language and speech units, preceding the conclusions of a more general nature, mainly deductive in nature; 2) the essential typological openness of the material distributed among the analyzed areas, the possibility (and sometimes mandatoriness) to supplement the list of even basic contrasts (such as, for example, phatic and informative speech genres; value-based, conceptual, figuratively-oriented concepts, etc.), while the nature of these contrasts is not rigid; 3) the material used is characterized by creative-centrism, and as a result, unit-centrism, the desire of researchers to actively attract the most striking, and there-

fore rare and even single examples. As a result, analysis in many cases has a certain degree of subjectivity, which brings linguistic analysis closer to literary analysis.

References

1. Alpatov, V.M. (2005) *Voloshinov, Bakhtin i lingvistika* [Voloshinov, Bakhtin and Linguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
2. Alpatov, V.M. (2014) O dvukh "detskikh boleznyakh" sovremennoj lingvistiki: yazyk, ideologiya, rechevye zhanry [About two "childhood diseases" of modern linguistics (language, ideology, speech genres)]. *Zhanry rechi – Speech Genres*. 1–2 (9–10). pp. 9–15.
3. Alpatov, V.M. (2015) Chto i kak izuchayet yazykoznanie [What and how studies linguistics]. *Voprosy yazykoznaniiya – Topics in the Study of Language*. 3. pp. 7–21.
4. Alpatov, V.M. (2019) [Russian Linguistics and World Linguistics]. *Russkiy yazyk: istoricheskiye sud'by i sovremennost': VI Mezhdunarodnyy kongress issledovateley russkogo yazyka: Trudy i materialy* [Russian Language: Historical Fates and the Present: VI International Congress of Russian Language Researchers]. Proceedings of the Congress. Moscow: Moscow State University. pp. 154–155. (In Russian).
5. Sirotinina, O.B. (2017) Linguo-Philosophical Reflection as a Result of a Long-Term Speech Monitoring Survey. *Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Filologiya. Zhurnalistika – Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*. 17 (1). pp. 5–11. (In Russian).
6. Karasik, V.I. (2013) *Yazykovaya matritsa kul'tury* [The language matrix of culture]. Moscow: Gnozis.
7. Karasik, V.I. (2015) *Yazykovaya spiral': tsennosti, znaki, motivy* [Language spiral: values, symbols, motives]. Volgograd: Paradigma.
8. Sedov, K.F. (2016) *Obshchaya i antropotsentricheskaya lingvistika* [General and anthropocentric linguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
9. Shmeleva, T.V. (1997) Rechevedenie: v poiskakh teorii [Speech studies: In search of the theory]. *Stylistika VI*. pp. 301–313.
10. Maslova, V.A. (2018) Osnovnyye tendentsii i printsipy sovremennoy lingvistiki [The main trends and principles of modern linguistics]. *Vestnik RUDN. Seriya: russkiy i inostranny yazyki i metodika ikh prepodavaniya*. 16 (2). pp. 172–190.
11. Rakhilina, E.V. (1998) Kognitivnaya semantika: istoriya, personalii, idei, rezul'taty [Cognitive Semantics: the history, personalities, ideas and results]. In: *Semiotika i informatika* [Semiotics and informatics: collection of scientific works]. Vol. 36. Moscow: Russkiye slovari. pp. 274–323.
12. Haspelmath, M. (2011) The Indeterminacy of Word Segmentation, and the Nature of Morphology and Syntax. *Folia Linguistica*. 45 (1). pp. 1–34.
13. Alpatov, V.M. (2018) De Saussure à Sapir: la linguistique russe récente. *Cahiers de ILLSL*. 57. pp. 179–196.
14. Humboldt, W. von. (1984) *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu* [Selected works on linguistics]. Moscow. [Online] Available from: www.lib.rus.ec/b/325096/read (Accessed: 27.06.2014).
15. Potebnaya, A.A. (1888–1899) *Iz zapisok po russkoy grammatike* [From notes on Russian grammar]. Vols 1, 2. Kharkiv: D.N. Poluyekhtov.
16. Peirce, C. S. (1960) Elements of logic. In: Hartshorne, Ch., Weiss, P. & Burks, A.W. (eds) *Collected papers of Charles Sanders Peirce*. Vol. 2. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press.
17. Yelmslev, L. (1960) *Prolegomeny k teorii yazyka* [Prolegomena to a theory of language]. In: *Novoye v lingvistike* [New in linguistics]. Vol. I. Moscow: Izd-vo inostrannoy literatury. pp. 264–398.
18. Saussure, F. de. (1977) *Trudy po yazykoznaniiyu* [Works on linguistics]. Moscow: Progress. pp. 31–285.
19. Abaev, V.I. (2006) *Stat'i po teorii i istorii yazykoznaniiya* [Articles on Theory and History of Linguistic]. Moscow: Nauka.

20. Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (2007) *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow: AST: Vostok-Zapad.
21. Langacker, R.W. (1987) *Foundations of cognitive grammar*. Vol. 1: Theoretical prerequisites. Stanford: Stanford University Press.
22. Lakoff, G. (1988) Cognitive Semantics. In: Eco, U. (ed.). *Meaning and Mental Representation*. Bloomington: Indiana University Press. pp. 119–155.
23. Kryuchkova, O.Yu. (2013) Kognitivnaya lingvistika i evristicheskiy potentsial slovoobrazovaniya [Cognitive linguistics and the heuristic potential of word formation]. In: *Predlozheniye i slovo* [Sentence and word]. Saratov: Nauchnaya kniga. pp. 86–93.
24. Gajda, St. (2012) Styl narodowy jako kategoria stylistyczna. *Stylistyka XXI*. pp. 7–18. (In Polish).
25. Solomonik, A. (2017) *O yazyke i yazykakh* [On language and languages]. Moscow: Sputnik+.
26. Maturana, H.R. (1988) Reality: The search for objectivity, or the quest for a compelling argument. *Irish Journal of Psychology*. 9 (1). pp. 25–82.
27. Kravchenko, A. V. (2013) Biologicheskaya real'nost' yazyka [The biological reality of the language]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*. 1. pp. 55–64.
28. Kibrik, A.E. (1992) *Ocherki po obshchim i prikladnym voprosam yazykoznaniya* [Essays on general and applied questions of linguistics]. Moscow: Moscow State University.
29. Kibrik, A. A. (2015) Kognitivnyy podkhod k yazyku [Cognitive approach to language]. In: *Yazyk i mysl'. Sovremennaya kognitivnaya lingvistika* [Language and thought. Modern cognitive linguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 26–47.
30. Voloshinov, V.N. (1993) *Marksizm i filosofiya yazyka* [Marxism and the philosophy of language]. Moscow: Labirint.
31. Mel'chuk, I.A. (1974) *Opyt teorii lingvisticheskikh modeley "Smysl ↔ Tekst"*. *Semantika, sintaksis* [Experience of the theory of linguistic models "Meaning ↔ Text". Semantics, syntax]. Moscow: Nauka.
32. Wierzbicka, A. (1983) Genry mowy. In: Dobrzyńska, T. & Janus, E. (eds) *Tekst i zdanie. Zbior studiow*. Wrocław itd.: PAN. pp. 125–137. (In Polish).
33. Demytyev, V.V. (2013) *Kommunikativnye tsennosti russkoj kul'tury. Kategoriya personal'nosti v leksike i pragmatike* [Communicative Values of the Russian Culture. Category of Personality in Vocabulary and Pragmatics]. Moscow: GlobalCom.
34. Balashova, L.V. (2014) *Russkaya metafora: proshloye, nastoyashcheye, budushcheye* [Russian metaphor: past, present, future]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
35. Makarov, M.L. (2003) *Osnovy teorii diskursa* [Foundations of discourse theory]. Moscow: Gnozis.
36. Karasik, V.I. (2002) *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Linguistic Circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena.
37. Salimovskiy, V.A. (2002) *Zhanryi rechi v funktsionalno-stilisticheskom osveshchenii* [Genres of speech in functional and stylistic aspects]. Perm: Perm State University.
38. Duskaeva, L.R. (2012) *Dialogicheskaya priroda gazetnykh rechevykh zhanrov* [Dialogic nature of the newspaper speech genres]. St. Petersburg: Philological Faculty of St. Petersburg State University.
39. Bobyeva, Ye. V. (2007) *Religioznyy diskurs: tsennosti, zhanry, strategii (na materiale pravoslavnogo veroucheniya)* [Religious Discourse: values, genres, strategy: based on the Orthodox Faith]. Abstract of Philology Dr. Diss. Volgograd.
40. Sheygal, E. I. (2004) *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Moscow: Gnozis.
41. Oleshkov, M.Yu. (2012) *Pedagogicheskiy diskurs: Ucheb. posobiye dlya studentov vuzov* [Pedagogical discourse: Textbook for university students]. Nizhny Tagil: Nizhny Tagil State Social Pedagogical Academy.

42. Ponomarenko, E.A. (2011) *Rechevye zhanry v medicinskom disurse (v proizvedeniyah russkikh pisateley-vrachey)* [Speech genres in medical discourse (in the works of Russian writers who were also doctors)]. Simferopol: Dom pisateley im. Dombrovskogo.
43. Dubrovskaya, T.V. (2010) *Sudebnyy diskurs: rechevoye povedeniye sudi* [Judicial discourse: speech behaviour of a judge]. Abstract of Philology Dr. Diss. Saratov.
44. Borisova, I.N. (2001) *Russkiy razgovornyy dialog: struktura i dinamika* [Russian colloquial dialogue: structure and dynamics]. Yekaterinburg: Ural State University.
45. Shchipsina, L.Yu. (2009) *Zhanry komp'yuterno-oposredovannoy kommunikatsii* [Genres of computer-mediated communication]. Arhangelsk: Pomor State University.
46. Dementyev, V.V. (2010) *Teoriya rechevykh zhanrov* [The theory of speech genres]. Moscow: Znak.
47. Bakhtin, M.M. (1996) Problema rechevykh zhanrov [Problem of speech genres]. In: *Sobranie sochineniy* [Collected works]. Vol. 5. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. pp. 159–206.
48. Fedosyuk, M.Yu. (1997) Issledovaniye sredstv rechevogo vozdeystviya i teoriya zhanrov rechi [Research of means of speech influence and theory of speech genres]. In: Gol'din, V.E. (ed.) *Zhanry rechi* [Speech genres]. Vol. 1. Saratov: Kolledzh. pp. 66–88.
49. Arutyunova, N.D. (1999) *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the world of the human]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
50. Shmelev, A.D. (2002) *Russkaya yazykovaya model' mira* [Russian language model of the world]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
51. Nesterova, T.V. (2015) Nepryamaya kommunikatsiya v obikhnodnoy sfere (russkoyazychnoye obshcheniye) [Indirect communication in the everyday sphere (Russian-language communication)]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 5–1 (47). pp. 156–162.
52. Karasik, V.I. (2020) *Yazykovyye kartiny bytiya* [Linguistic images of existence]. Moscow: Pushkin State Russian Language Institute.
53. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov: Nauchnyy zhurnal. Seriya Lingvistika – Russian Journal of Linguistics*. (2017) 21 (3): Commodification of the Russian language. DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-3
54. Dementyev, V.V. & Stepanova, N.B. (2016) Korpusnaya genristika: problema klyuchevykh fraz [Corpus genristics: a problem of key phrases]. *Zhanry rechi – Speech genres*. 1. pp. 24–41.
55. Delyagin, M. (2019) Chelovek-transformer: Tekhnosotsial'naya evolyutsiya v XXI veke [Transformer-Man: Technosocial Evolution in the 21st Century]. *Zavtra*. 23 January 2019. [Online] Available from: <http://zavtra.ru/blogs/chelovek-transformer>.
56. Crawford, G. & Rutter, J. (2007) Playing the Game: Performance and Digital Game Audiences. In: Gray, J., Sandvoss, C. & Harrington, C.L. (eds) *Fandom: Identities and Communities in a Mediated World*. London: New York University Press. pp. 271–281.
57. Drachen, A. & Smith, J.H. (2008) Player Talk: The Functions of Communication in Multi-Player Role-Playing games. *Computers in Entertainment*. 6/4. pp. 1–36.
58. Falcão, Th. & Ribeiro, J. C. (2011) The Whereabouts of Play, or How the Magic Circle Helps Create Social Identities in Virtual Worlds. In: Crawford, G., Gosling, V.K. & Light, B. (eds) *Online Gaming in Context: The Social and Cultural Significance of Online Games*. London: Routledge. pp. 130–140.
59. Salen, K & Zimmerman, E. (2004) *Rules of Play: Game Design Fundamentals*. London: MIT Press.
60. Drachen, A. (2011) Analyzing Player Communication in Multiplayer Games. In: Crawford, G., Gosling, V.K. & Light, B. (eds) *Online Gaming in Context: The Social and Cultural Significance of Online Games*. London: Routledge. pp. 201–223.
61. Cogburn, J. & Silcox, M. (2009) *Philosophy through Video Games*. London: Routledge.

62. Juul, J. (2005) *Half-Real: Video Games between Real Rules and Fictional Worlds*. Cambridge: MIT Press.
63. Mäyrä, F. (2008) *Introduction to Game Studies: Games in Culture*. New York: SAGE Publications.
64. Rybaltovich, D.G. (2012) *Psikhologicheskiye osobennosti pol'zovateley onlayn-igr s razlichnoy stepen'yu igrovoy addiktsii* [Psychological features of users of online games with varying degrees of game addiction]. Abstract of Psychology Cand. Diss. St. Petersburg.
65. Antonenko, A.A. (2014) *Internet-zavisimost' podrostkov ot komp'yuternykh igr i onlayn-obshcheniya: kliniko-psikhologicheskiye osobennosti i profilaktika* [Internet addiction of adolescents to computer games and online communication: clinical and psychological features and prevention]. Abstract of Psychology Cand. Diss. Moscow.
66. Karasik, V.I. (2012) *Komp'yuternaya igra "StarCraft": lingvokul'turnyye kharakteristiki* [Computer game "StarCraft": linguistic and cultural characteristics]. In: Kolokol'tseva, T.N. & Lutovinova, O.V. (eds) *Internet-kommunikatsiya kak novaya rechevaya formatsiya* [Internet communication as a new speech formation]. Moscow: Flinta: Nauka. pp. 237–254.
67. Dementyev, V.V. (2014) Actual problems of indirect communication and its genres: A view from 2013. *Zhanry rechi – Speech Genres*. 1–2 (9–10). pp. 22–49. (In Russian).
68. Maryukhin, A.P. (2010) *Nepryamaya kommunikatsiya v nauchnom diskurse (na materiale russkogo, angliyskogo, nemetskogo yazykov)* [Indirect communication in a scientific discourse (based on Russian, English, German languages)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
69. Paremuzashvili, E.E. (2013) *Rechevaya agressiya v nepryamoy kommunikatsii (na materiale russkoy klassicheskoy i sovremennoy literatury)* [Verbal aggression in indirect communication (based on the Russian classical and modern literature). Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
70. Tannen, D. (1981) Indirectness in Discourse: Ethnicity as Conversational Style. *Discourse Processes*. 4 (3). pp. 221–238.
71. Tannen, D. (1986) *That's Not What I Meant!: How Conversational Style Makes or Breaks Relationships*. N.Y.: Harper Perennial.
72. Tannen, D. (2000) Indirectness at Work. In: Peyton, J. et al. (eds). *Language in Action: New Studies of Language in Society, Festschrift for Roger Shuy*. Cresskill, N.J.: Hampton Press. pp. 189–212.
73. Goldin, V.E. (2010) Kontseptual'nye peremennyye obraza mira po dannym assotsiativnykh slovarej [Conceptual variability of the image of the world according to the associative dictionaries]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii – Computational Linguistics and Intellectual Technologies*. 9 (16). pp. 97–101.
74. Kibrik, A.A. (1994) Kognitivnyye issledovaniya po diskursu [Cognitive research on discourse]. *Voprosy yazykoznaniya – Topics in the Study of Language*. 5. pp. 126–139.
75. Moroz, G.A. (2019) Slogovaya struktura adygeyskogo yazyka [Syllabic structure of the Adyghe language]. *Voprosy yazykoznaniya – Topics in the Study of Language*. 2. pp. 82–95.
76. Dobrushina, N.R. (2011) Mnogoyazychiye v Dagestane kontsa XIX – nachala XXI veka: popytka kolichestvennoy otsenki [Multilingualism in Dagestan at the end of the 19th – beginning of the 21st centuries: An attempt at a quantitative assessment]. *Voprosy yazykoznaniya – Topics in the Study of Language*. 4. pp. 61–80.
77. Dementyev, V.V. (2020) What Have Genre Studies Given to Modern Linguistics? *Zhanry rechi – Speech Genres*. 3 (27). pp. 172–194. (In Russian).